

Радбиль Т. Б. Художественное воплощение русского национально-культурного концепта РЕКА в творчестве М. Ю. Лермонтова / Т. Б. Радбиль, И. С. Юхнова // Научный диалог. — 2019. — № 2. — С. 127—142. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-2-127-142.

Radbil, T. B., Yukhnova, I. S. (2019). Artistic Expression of Russian National-Cultural Concept of River in M. Yu. Lermontov's Works. *Nauchnyi dialog*, 2: 127-142. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-2-127-142. (In Russ.).

УДК 821.161.1Лермонтов.07+811.161.1'42

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-2-127-142

Художественное воплощение русского национально-культурного концепта РЕКА в творчестве М. Ю. Лермонтова

© Радбиль Тимур Беньяминович (2019), orcid.org/0000-0002-7516-6705, SPIN-code 2835-0370, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Института филологии и журналистики кафедры современного русского языка и общего языкознания, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Нижегород, Россия), timur@radbil.ru.

© Юхнова Ирина Сергеевна (2019), orcid.org/0000-0003-2835-3070, SPIN-code 3299-6410, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы, Института филологии и журналистики кафедры современного русского языка и общего языкознания, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Нижегород, Россия), yukhnova@flf.unn.ru.

Рассматривается индивидуально-авторское художественное воплощение концепта РЕКА в художественном мире М. Ю. Лермонтова. Цель исследования — комплексный филологический (лингвистический и литературоведческий) анализ концепта РЕКА в русской национальной концептосфере через призму его эстетического преобразования в творчестве М. Ю. Лермонтова. Материалами исследования выступают данные лексикографических источников — основных этимологических, толковых и специальных словарей русского языка — и тексты поэтических и прозаических произведений М. Ю. Лермонтова. Исследование базируется на методе лингвокогнитивного анализа культурно-значимых концептов в системе языка и на методе литературоведческого анализа «топосов» как элементов пейзажа, выступающих в качестве интегральных принципов организации совокупного художественного мира автора. Показано, что топос РЕКА у Лермонтова в целом соотносится с теми смыслами, которые характерны для соответствующего концепта в русском национальном языковом сознании, однако наибольшую актуальность для художественного мира Лермонтова имеют значения, связанные с идеей границы, рубежа, а также идеей времени, идеей жизни и ее течения, идеей смерти. Практическая значимость ис-

следования состоит в том, что его основные результаты могут быть использованы в вузовском преподавании когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, основ концептуального анализа, теории литературы, истории русской литературы, а также в практике составления словарей нового типа — словарей концептов (в том числе — учебных), лингвокультурных тезаурусов и литературоведческих словарей «топосов» русской литературы.

Ключевые слова: концепт «река»; лингвокогнитивный анализ; концептосфера; топос; М. Ю. Лермонтов; литературный пейзаж; лингвокультурология; русская литература.

1. Введение

Мысль о том, что ключевые идеи национальной культуры, базовые концепты народного мировидения прежде всего воплощены в языке этноса, является практически общим местом в междисциплинарных стратегиях научного поиска в современном гуманитарном знании [Радбиль, 2016]. Пространство национальной культуры, с этой точки зрения, представляет собой многомерное и иерархически организованное единство, которое формируют некие сквозные мотивы, концептуальные доминанты: эти сквозные мотивы присутствуют на разных участках пространства культуры, объективируются на разных уровнях ее знаковой реализации, наиболее фундаментальным из которых является язык. Мы исходим из представления об изоморфности семиотической организации национального языка и вторичных моделирующих систем культуры: мифологии, религии, искусства и литературы, которые составляют единую семиосферу национальной культуры [Лотман, 2000]. То, что актуализуется в художественных системах писателей и поэтов, композиторов и художников, изначально, в качестве некоего образно-концептуального потенциала, заложено в базовых строевых компонентах языковой картины мира этноса, в «духе языка», который, по мысли В. фон Гумбольдта, и есть «дух народа» [Гумбольдт, 1984].

Все вышесказанное справедливо и в отношении крайне значимого для культурного сознания русских представления о реке, языковое выражение которого уже на самых ранних этапах этногенеза имело значительный мифологический и философский символический потенциал, впоследствии подхваченный и художественно освоенный древнерусской, а потом — и русской классической литературой.

Различные аспекты и разные измерения концепта реки издавна являются объектом пристального исследовательского внимания в разных отраслях гуманитарного знания. Из работ последнего времени можно отметить философский труд Н. Г. Краснойровой «Природа как концепт культуры: опыт культурфилософского очерка реки, воды, потока» [Краснойрова,

2008] и культурологический очерк М. Х. Кусмидиновой «Формирование концепта реки в русской культуре на примере Волги» [Кусмидинова, 2015].

Также интерес представляют этнолингвистическое исследование С. Н. Куриловой «Концепт “река” как актуальная ментальная единица водного пространства ландшафтной концептосферы в лингвокультуре лесных юкагиров» [Курилова, 2015] и работа Е. Ф. Ковлакас по региональной ономастике и топонимике «Ментальные представления о “реке” в топонимии Кубани» [Ковлакас, 2008]. В рамках контрастивной лингвистики (типологического сопоставления генетически несходных лингвокультур) осуществлено монографическое исследование Е. В. Харьковской «Общее и различное в структуре тематического поля ландшафт / landscape в русском и английском языках», в котором огромное место отведено именно речному пейзажу («топосу») [Харькова, 2012].

Укажем и на чисто литературоведческую работу А. Полукошко по истории немецкой литературы «Концепт “река” в немецкой прозе магического реализма» [Полукошко, 2008]. Ближе к избранному нами направлению исследования находятся лингвопоэтические штудии «на стыке» литературоведения и лингвистики: это исследования Е. А. Полесновой и Т. А. Торговкиной «Языковая репрезентация концептов “Река” и “Море” и их функциональная значимость в новеллах Ги де Мопассана» [Подлеснова и др., 2016] и И. А. Авдеенко «Символ РЕКА в языковой картине мира русской рок-поэзии» [Авдеенко, 2012].

Однако при всем разнообразии научно-гуманитарной литературы по данному вопросу в рамках предлагаемого нами многоаспектного, лингвистически-литературоведческого подхода на материале русской лингвокультуры и русской литературы исследования концепта РЕКА еще не проводились. Это позволяет сформулировать цель настоящего исследования — осуществить комплексный филологический (лингвистический и литературоведческий) анализ концепта РЕКА в русской национальной концептосфере и особенностей его языковой объективации в системе языка через призму его эстетического преобразования в творчестве М. Ю. Лермонтова.

Исследование базируется на методе лингвокогнитивного анализа культурно-значимых концептов в системе языка [Степанов, 1997; Радбиль, 1999; Радбиль и др., 2015] и на методе литературоведческого анализа «топосов» как элементов пейзажа, выступающих в качестве интегральных принципов организации совокупного художественного мира автора [Поташова, 2015; Юхнова, 2016].

Материалами исследования выступают: (1) данные лексикографических источников — основных этимологических, толковых и специальных

словарей русского языка; (2) тексты поэтических и прозаических произведений М. Ю. Лермонтова.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его основные результаты могут быть использованы в вузовском преподавании когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, основ концептуального анализа, теории литературы, истории русской литературы, а также в практике составления словарей нового типа — словарей концептов (в том числе — учебных), лингвокультурных тезаурусов и литературоведческих словарей «топосов» русской литературы.

2. Концепт РЕКА в русской национальной концептосфере и его объективация в русском языке

В соответствии с методикой анализа концептов, принятой в Нижегородской школе лингвокогнитивного анализа значимых концептов национальной культуры, ядро концептуального содержания и языковая объективация анализируемого концепта описываются на основе исследования его отражения в лексикографических источниках — основных этимологических, толковых и специальных словарях русского языка [Радбиль, 2016].

Русское слово РЕКА восходит к и.-е. корню **er-*, **or-*, **r* с общим значением 'приходить в движение, устремляться' (родственные слова в современном русском — РОЙ, РЕЯТЬ, РИНУТЬСЯ) [ИЭССРЯ, 2006, с. 108]. Нетрудно видеть, что уже ядерное этимологическое значение содержит значительные возможности для концептуально-метафорического и символического переосмысления изначально природного объекта в плане выразителя духовных (этических, психологических, философских, эстетических) сущностей, связанных в общем виде с идеями движения, изменения, становления, развития, достижения какого-то предела, перехода в другие планы бытия и пр., то есть с особенностями человеческого типа переживания времени — субъективного, мифологического, символического и под.

Примерно те же модели концептуального переноса и переосмысления первичной номинативной семантики РЕКИ можно видеть в разного рода переносных значениях этой лексемы, которые зафиксированы в основных словарях русского языка.

В академическом «Словаре современного русского литературного языка» встречаем переносно-метафорические оттенки первого, основного значения, с примечательным указанием на книжно-поэтическую сферу употребления: **«Река жизни, житейская река. Устар. поэт. Перен. 'О жизни в ее развитии, течении'»; Река времени, времен. Устар. поэт. Перен. 'О течении времени'»** [ССРЛЯ, т. 12, стб. 1178—1179]. Также отмечается

фразеологически связанное значение в обороте *Река забвения*: «Устар. поэт. 'В греко-римской мифологии — река подземного царства (Лета), напившись воды из которой, умершие забывали все прошедшее'» [Там же], которое содержит явное указание на ассоциативное сближение концепта реки с представлением о смерти. Еще одно фразеологически связанное значение восходит к народно-поэтической традиции — оборот *река-рекой*: «**Плакать, разливаться река-рекой**. Народн.-поэт. 'Проливать обильные слезы, обливаться слезами'» [Там же]. Также словарь отмечает наличие модели генитивной метафорической конструкции с общим значением 'огромное количество, движущаяся масса чего-либо': *реки крови; реки слез*, особенно применительно к обозначению массы людей: *река / реки людей; живая река, человеческая река*. Еще отмечается грамматически обусловленное значение, присущее только наречной форме *рекой*: 'Обильно, в большом количестве (лить, литься, течь, хлынуть и т. п.)'. Добавим также, что в другом академическом «Словаре русского языка» более подробно структурированы и обобщены именно модели образно-метафорических употреблений: «С существительными в род. п. образует образные сочетания для обозначения процесса протекания, развития чего-л. *Река жизни*» [СлРЯ, т. 3, с. 702].

Более современный «Большой толковый словарь» под ред. С. А. Кузнецова выделяет еще одно фразеологически связанное значение — для оборота *хоть в реку*: «Разг. 'о безвыходном положении, о состоянии отчаяния'», также метафорически выражающее идею смерти через утопление. В целях нашего исследования важно, что в этом словаре имеется подробное толкование народнопоэтических представлений о реке: «Река в русских сказках выступает как один из персонажей, помогающих или препятствующих герою. Река может символизировать сытную, обеспеченную жизнь, на поиски которой отправляется герой; река может быть огненной, которую пытается усмирить герой; она может символизировать удачное завершение какого-л. дела, победу героя» [БТСРЯ, 2000, с. 478]. Народнопоэтическое значение для фразеологизма *Молочные реки и кисельные берега* указывается также во «Фразеологическом словаре русского языка» под ред. А. И. Молоткова: «Привольная, обеспеченная жизнь» [ФСРЯ, 1968, с. 389].

Таким образом, мы можем констатировать, что концепт РЕКА в русском языковом сознании содержит следующие компоненты своего концептуального содержания, отражающие разные аспекты философских представлений о жизни и смерти, разнообразные этические и психологические смыслы:

- идея движения, протекания, развития чего-л.;
- идея обильного количества, движущейся массы чего-л.;
- идея времени, неумолимого его хода;
- идея жизни, ее течения;
- идея смерти;
- идея грусти, печали;
- идея безвыходного положения, отчаяния;
- идея преодолеваемого препятствия;
- идея удачного завершения какого-л. дела, победы героя;
- идея сытной, привольной, обеспеченной жизни.

Также концепт РЕКА имеет существенный экспрессивно-оценочный потенциал разнообразного спектра — от положительной до отрицательной оценочности, в зависимости от того, какие оттенки концептуального содержания актуализирует контекст употребления.

Все эти культурно-значимые смыслы, обладающие значительным потенциалом символического, образно-метафорического переосмысления, были восприняты, эстетически освоены и художественно развиты в вершинных текстах русской классической литературы. Особую художественную роль играет топоним РЕКА и в художественном мире М. Ю. Лермонтова.

3. Топос РЕКА в творчестве М. Ю. Лермонтова как индивидуально-авторское воплощение одноименного национально-культурного концепта

В произведениях поэта река — частотная природная реалия, структурирующая как русский, так и восточный пейзаж. Как правило, она является доминантой, которую фиксирует взгляд, а изгибы рек, петляние ручейков определяют своеобразие ландшафта. Так река становится объектом эстетического восприятия (с ней связано представление о красоте окружающего мира), но одновременно это и преграда, остановка в движении путника, некий рубеж, который ему предстоит преодолеть.

Особенностью природных описаний Лермонтова является их топографическая точность. Обычно местность охватывается целиком, так как воспринимается с высокой точки, и такой взгляд позволяет представить открывающийся вид как панораму. Таковы описание имения Палицыных в романе «Вадим», пейзажные зарисовки в «Герое нашего времени»: панорамный вид Койшаурской долины, окрестностей кавказской крепости, в которой развивается история Бэлы, вида Пятигорска в «Княжне Мери» и др.

Подобный принцип словесного пейзажного описания, вероятно, сформировался во время занятий Лермонтова живописью, а также в про-

цессе изучения топографии, фортификации, географии, которые входили в программу школы гвардейских подпрапорщиков. Прием кадрирования пейзажа как один из «способов перевода видимых картин в живописные» [Поташова, 2015, с. 80] появляется уже в ученическом сочинении Лермонтова «Панорама Москвы», выполненном по заданию преподавателя словесности В. Т. Плаксина [Усок, 1981, с. 365]. Вид на Москву в нем открывается с высокой точки — колокольни Ивана Великого, а созданная словесная панорама Москвы «представляет собой скорее серию видов <...>, каждый из которых читатель воспринимает как рисунок или картину» [Поташова, 2015, с. 82]. К. А. Поташова выделяет в качестве визуальных доминант в лермонтовской панораме Москвы купола церквей и монастырей. Однако не менее важную роль в структурировании городского пространства в этом тексте играет река. Как только она появляется в поле зрения воспринимающего сознания, так сразу же намеченный изначально вектор восприятия (по частям света — с севера на юг, с востока на запад) меняется — взгляд следует за движением реки: *на левом берегу реки; к югу, под горой, у самой подошвы стены кремлевской, против Тайницких ворот, протекает река; далее к востоку на трех холмах, между коих извивается река; на западе, за длинной башней ... возвышаются арки каменного моста, который дугою перегибается с одного берега на другой...* (Лермонтов М. Ю. Панорама Москвы). И если до этого архитектурные объекты — башни и сооружения — определяли облик древней столицы, а Кремль, Поклонная гора, собор Василия Блаженного, Алексеевский, Донской, Симонов монастыри и др. представляли как сакральные места русской истории, то теперь именно река оформляет эти отдельные локусы в единое городское пространство: она, как нить, связывает центр и окраины, прошлое и настоящее, современную жизнь и седую древность.

В произведении называется только одна река — Москва, и она постоянно меняет свой облик: в центре *широкая, грязная*, *изнемогающая под множеством тяжких судов, нагруженных хлебом и дровами* (Лермонтов М. Ю. Панорама Москвы), она постепенно предстает в своем истинном — природном виде; чем дальше от центра, тем более живой, красивой, свободной становится.

Таким образом, уже в этом раннем ученическом сочинении Лермонтова за словом *река* закрепляется сразу несколько значений, которые получают свое развитие в его дальнейшем творчестве. С рекой связана и «идея движения, протекания, развития чего-л.»; и «идея времени, неумолимого его хода», а также «идея жизни, ее течения». Так река в произведениях Лер-

монтова становится не просто деталью пейзажа, а образом-символом, что обусловлено множественностью значений слова.

В «Панораме Москвы», как было показано выше, река определяла единство городского пространства, но чаще в произведениях Лермонтова реализуется другое значение: река как граница, разделяющая мир на «свой» и «чужой», как рубеж, преодолев который, человек оказывается на чужой земле. В кризисные моменты жизни туда, за этот рубеж, устремляются смельчаки. Такой пограничной рекой является Терек. В «Герое нашего времени» упоминание этой реки всегда значимо: Максим Максимыч вспоминает о стычке с горцами, когда с ротой *стоял за Терек*ом, а позже он высказывает предположение, что Казбич *сложил буйную голову за Терек*ом или за Кубанью (Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени). В стихотворении «Поэт» кинжал обретаётся в бою за Терек: *Он взят за Терек*ом отважным казаком... (Лермонтов М. Ю. Поэт). Трагическое воплощение эта идея получила в стихотворении «Валерик»¹, в котором в жестоком противостоянии сталкиваются два мира — русских и горцев. Так в очередной раз река изображается как экзистенциальное пространство, что усиливается апелляцией к народной этимологии названия: *Как месту этому название? // Он отвечал мне: Валерик, // А перевесть на ваш язык, // Так будет речка смерти: верно, // Дано старинными людьми* (Лермонтов М. Ю. <Валерик>). Последнее замечание о *старинных людях* крайне важно, так как оно наделяет сражение при Валерике некоей исторической перспективой. В стихотворении рассказывается о конкретном событии, участником которого был поэт, однако реплика Галуба как бы встраивает эту битву в череду аналогичных кровавых военных стычек, которые происходили здесь ранее (отсюда и название реки), возможны и в будущем. Таким образом, получает дополнительное подтверждение мысль, которая как откровение возникает в сознании лирического героя: *Я думал: жалкий человек. // Чего он хочет!.. небо ясно, // Под небом места много всем, // Но беспрестанно и напрасно // Один враждует он — зачем?* (Лермонтов М. Ю. <Валерик>).

Мотив «река как свидетель событий прошлого» обозначится уже в ранней прозе Лермонтова. В незаконченном романе «Вадим» возникает такое размышление: *Кто из вас бывал на берегах светлой <Суры>? — кто из вас смотрелся в ее волны, бедные воспоминаньями, богатые природным, собственным блеском! — читатель! не они ли были свидетелями твоего счастья или кровавой гибели твоих прадедов!..* (Лермонтов М. Ю. <Вадим>). Так проступает мысль о смене поколений, бесконечности жизни:

1 *Валерик* — приток Сунжи, которая впадает в Терек. Таким образом, здесь географически возникает та же связь с пограничной рекой.

река хранит память о прошлом, а само движение волн выражает антитезу: скоротечность человеческой жизни — вечность природы и мироздания.

Значение границы, связанное с семантикой смерти, предопределило и то, что река в произведениях Лермонтова несет в себе черты иномира. Речная стихия — стихия, инородная человеку, поэтому часто речной локус служит для создания образа и пространства смерти («Дары Терека», «Мцыри», «Валерик», «Волны и люди» и пр.).

Однако фраза «за рекой», сохраняя семантику разграничения, у Лермонтова может иметь и прямо противоположный смысл. В повести «Княжна Мери» сквозным является мотив «жизнь как театр» [Тодд III, 1996, с. 163—193], и тому жизненному действию, которое срежиссировано Печориным, фоновно противопоставлена другая — естественная жизнь простых людей. В один из переломных моментов в журнале Печорина появляется запись: *Когда я проснулся, на дворе было уже темно. Я сел у отворенного окна, растянул архалук, — и горный ветер освежил грудь мою, еще не усвоенную тяжелым сном усталости. Вдали, за рекою, сквозь верхи густых лип, ее осеняющих, мелькали огни в строениях крепости и слободки. На дворе у нас все было тихо, в доме княгини темно* (Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени). Так в сознании героя соприкоснулись два мира, между которыми обозначена преграда — *вдали, за рекою...* — и она для героя непреодолима. Испытывать чувства и страсти простого человека, который обитает там, *вдали, за рекою*, человеку «цивилизации» не дано.

Эта же семантика — река как граница, но соединенная со значением «река как движение жизни, ее течение» реализуется в раннем романе «Вадим» и незавершенном отрывке «Я хочу рассказать вам». В них противопоставлены два уклада — усадебный (дворянский) и народный, но в романе это противостояние имеет еще и остросоциальный характер, так как в основу сюжета произведения легли события крестьянского восстания. Социальное противостояние обозначается разными способами: напрямую — в сценах самодурства Палицына, рассказе об укладе жизни в его семье, при описании монастыря и пр. Но также делается это и более тонкими способами. Так, описывая местоположение усадьбы Палицыных на берегу Суры, Лермонтов отмечает различие между усадьбой и деревней и включает такую деталь: *...Ольга часто забывала свое шитье и наблюдала синие странствующие воды и барки с белыми парусами и разноцветными флажками. Там люди вольны, счастливы! каждый день видят новый берег — и новые надежды!..* (Лермонтов М. Ю. <Вадим>). Вольной и свободной воспринимается жизнь вне усадьбы, на вольной реке. Там происходит постоянное движение, а воля понимается как движение в беспредельном про-

странстве. Такое же сопоставление есть и в отрывке «Я хочу рассказать вам...» В помещицьем доме Арбениных царит застой, а в описании представлены знаки выморочности и смерти, фиксируется отсутствие любви и одиночество, в то время как на берегу русской реки сосредоточена настоящая «народная жизнь. Она наполнена движением, воспринимается как естественная, органичная, связанная со средой обитания (рекой), природная. Там, за пределами усадьбы, красота, простор и жизненная полнота, когда рядом оказываются радость и горе, труд и отдых» [Юхнова, 2016, с. 263]. Так через образ реки выражается идея вечного круговорота жизни, ее непрерывного течения.

У рек в творчестве Лермонтова, даже безымянных, свой характер и нрав, свой тип отношений с человеком. Реки, протекающие в России, величественны и неспешны. Азиатские, напротив, быстры, коварны и непредсказуемы. На берегах русских рек идет жизнь, азиатские речки либо безлюдны, либо вблизи них видны брошенные, срастающиеся с природой и уходящие в вечность сооружения. Таково, например, географически точное описание места действия в «Мцыри»: *Там, где, сливаясь, шумят, // Обнявшись, будто две сестры, // Струи Арагвы и Куры, // Был монастырь...* (Лермонтов М. Ю. Мцыри). Эта «зарисовка с натуры» строится на сопоставлении созданного природой и человеком, и они соотносятся как вечное и временное. Монастырь разрушается, становится частью природы, природа же отстранена от человека. Символический смысл данной пейзажной зарисовки окончательно оформляется в 23 главе, когда Лермонтов вновь включает описание двух рек: *И было все на небесах // Светло и тихо. Сквозь пары // Вдали чернели две горы. // Наш монастырь из-за одной // Сверкал зубчатой стеной. // Внизу Арагва и Кура, // Обвив каймой из серебра // Подошвы свежих островов, // По корням шепчущих кустов // Бежали дружно и легко...* (Лермонтов М. Ю. Мцыри).

Этот же смысл проступает в описании величественной Невы в поэме «Сказка для детей». Жизнь на ее берегах предстает как мираж — она фантомна, нереальна, а величественные здания даны как отражения в зеркале вод: *В Неве дробился блеск высоких окон...* (Лермонтов М. Ю. Сказка для детей). Единственная реальность — это вечное движение Невы, уносящей свои воды в море: *Над городом таинственные звуки, // Как грешных снов нескромные слова, // Неясно раздавались — и Нева, // Меж кораблей сверкая на просторе, // Журча, с волной их уносила в море* (Лермонтов М. Ю. Сказка для детей). Данный образ не раз появляется в творчестве Лермонтова — в частности, он получает воплощение в стихотворении «Волны и люди» и служит там для выражения всеобщего закона — жизнь челове-

ка конечна, и она есть движение в неких очерченных пределах. Так снова за рекой закрепляется мортальная семантика. Вместе с тем в стихотворении возникает и вторая аналогия: «холодные волны» — «холодная душа» людей. Но если в раннем стихотворении речь идет о конечности человеческого существования, то в поэме появляется такая вариация этой мысли: жизнь в замолкнувшем, затаившемся доме может на время воскреснуть, но неизбежно уйдет в небытие, а оживший дом снова погрузится в молчание.

Так у Лермонтова в лексеме *река*, кроме мысли о смерти, реализуется значение «река жизни, житейская река» и «река времен, времени».

В произведениях Лермонтова между человеком и рекой выстраивается особый тип отношений. Река имеет голос и откликается на чувства, переживания человека, вступает с ним в диалог. Так, сознание Печорина в критический момент его жизни (утрата Веры) фиксирует деталь: *Подкумук, пробираясь по камням, ревел глухо и однообразно* (Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени). А в «Вадиме» появляется такое размышление: *В шуме родной реки есть что-то схожее с колыбельной песнью, с рассказами старой няни...* (Лермонтов М. Ю. <Вадим>). Та же реалья — ритмическое движение волн в реке — выражает прямо противоположный, чем в стихотворении «Волны и люди», смысл, а шум реки погружает в сокровенные воспоминания, создает особое эмоциональное состояние.

Следствием такой интимной связи человека и реки становится появление в творчестве Лермонтова сравнения «люди как реки», которое пунктиром проходит в романе «Герой нашего времени». Сначала оно звучит в рассказе Максима Максимыча: *Уж эта мне Азия! что люди, что реки — никак нельзя положиться* (Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени). А потом о коварстве азиатских рек напишет Печорин: *Горные речки, самые мелкие, опасны, особенно тем, что дно их — совершенный калейдоскоп: каждый день от напора волн оно меняется; где был вчера камень, там нынче яма* (Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени). Такое несоответствие — мелкая, неглубокая река оказывается коварной и непредсказуемой, а потому становится трудно преодолимым препятствием — как бы иллюстрирует тот тип отношений, который установился между местными народами и русскими войсками: состояние «мира» здесь относительно, а дружба обманна.

Не случайна в контексте данных рассуждений и фамилия Печорин, которую Лермонтов дает героям нескольких своих произведений. О том, какова ее этимология в понимании поэта, исследователи спорят, но нам важно, что в первую очередь в ней считывается речная семантика. Именно

так воспринял фамилию Печорина В. Г. Белинский, соотнеся ее с фамилией героя пушкинского романа в стихах.

4. Заключение

Таким образом, река в творчестве Лермонтова — емкий, многозначный образ, который развивается на протяжении всего творчества поэта. Исследование показало, что в целом в художественном мире М. Ю. Лермонтова эксплуатируются практически все когнитивные признаки концепта РЕКА, актуализированные в русском языковом сознании и отраженные в языке (идея движения, протекания, развития чего-л.; идея времени, неумолимого его хода; идея жизни, ее течения; идея смерти; идея грусти, печали; идея безвыходного положения, отчаяния; идея преодолеваемого препятствия и пр.), при этом их художественная реализация в творчестве М. Ю. Лермонтова характеризуется существенной индивидуально-авторской спецификой. Прежде всего это связано с особенностями акцентуации тех или иных общекультурных признаков в индивидуальном художественном сознании писателя: так, наибольшую актуальность для художественного мира Лермонтова имеют значения, связанные с идеей границы, рубежа, а также идеей времени, идеей жизни и ее течения, идеей смерти. При этом фиксируются прямо противоположные смыслы слова *река* даже в пределах одного произведения, что является отражением внутренней антиномичности, противоречивости художественного мира М. Ю. Лермонтова.

Источники и принятые сокращения

1. БТСРЯ — *Большой толковый словарь русского языка* / под ред. С. А. Кузнецова. — Санкт-Петербург : Норинт, 2000. — 1534 с.
2. ИЭССРЯ — *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка : В 2 т. Т. 2 / П. Я. Черных. — 7-е изд., стер. — Москва : Русский язык Медиа, 2006. — 560 с.
3. *Лермонтов М. Ю.* Сочинения : В 6 т. / М. Ю. Лермонтов. — Москва ; Ленинград : Издательство АН СССР, 1954—1957.
4. СлРЯ — *Словарь русского языка* : в 4 томах / под ред. А. П. Евгеньевой. — Москва : Русский язык, 1985. — Т. 3. — 752 с.
5. ССРЛЯ — *Словарь современного русского литературного языка* : в 16 томах / [глав. ред. В. И. Чернышев, ред. В. П. Фелицына, И. Н. Шмелева]. — Ленинград : Издательство АН СССР, 1961. — Т. 12. — 1676 стб.
6. ФСРЯ — *Фразеологический словарь русского языка* : свыше 4000 словарных статей / сост. Л. А. Войнова [и др.]. — Москва : Советская Энциклопедия, 1968. — 543 с.

Литература

1. *Авдеенко И. А.* Символ РЕКА в языковой картине мира русской рок-поэзии / И. А. Авдеенко // Амурский научный вестник : сб. научн. трудов. — Комсомольск-на-Амуре : Издательство АмГПУ, 2012. — С. 7—17.
2. *Гумбольдт В. фон.* Избранные труды по языкознанию / В. Фон Гумбольдт; пер. с нем. Г. В. Рамишвили. — Москва : Наука, 1984. — 398 с.
3. *Ковлакас Е. Ф.* Ментальные представления о «реке» в топонимии Кубани / Е. Ф. Ковлакас // Вестник Челябинского государственного университета. — 2008. — № 23. — С. 69—82.
4. *Красноярова Н. Г.* Природа как концепт культуры: опыт культурфилософского очерка реки, воды, потока [Электронный ресурс] / Н. Г. Красноярова // Аналитика культурологии : электронное научное издание. — 2008. — № 10. — Режим доступа : http://www.analiculturolog.ru/journal/archive/item/526-article_8-2.html.
5. *Курилова С. Н.* Концепт «река» как актуальная ментальная единица водного пространства ландшафтной концептосферы в лингвокультуре лесных юкагиров / С. Н. Курилова // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. — 2015. — № 2 (5). — С. 135—142.
6. *Кусмидинова М. Х.* Формирование концепта реки в русской культуре на примере Волги / М. Х. Кусмидинова // Теория и практика общественного развития. — 2015. — № 21. — С. 205—208.
7. *Лотман Ю. М.* Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки / Ю. М. Лотман. — Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2000. — 704 с.
8. *Полеснова Е. А.* Языковая репрезентация концептов «Река» и «Море» и их функциональная значимость в новеллах Ги де Мопассана [Электронный ресурс] / Е. А. Полеснова, Т. А. Торговкина // Огарев-online. — 2016. — № 17. — Режим доступа : <http://journal.mrsu.ru/arts/yazykovaya-reprezentaciya-konceptov-reka-i-more-ix-funkcionalnaya-znachimost-v-novellax-gi-de-mopassana>.
9. *Полукошко А.* Концепт «река» в немецкой прозе магического реализма / А. Полукошко // Фалькларыстычныя даследаванні. Кантэкст. Тыпалогія. Сувязі : зб. арт. Вып. 5. — Минск : Бестпринт, 2008. — С. 230—236.
10. *Поташова К. А.* Влияние живописи на эстетический идеал русской литературы первой трети XIX века (А. С. Пушкин и М. Ю. Лермонтов) : диссертация ... кандидата филологических наук / К. А. Поташова. — Москва, 2015. — 272 с.
11. *Радбиль Т. Б.* Когнитивные признаки и языковая объективация концепта «добродетель» в современном русском языке / Т. Б. Радбиль, В. В. Сайгин // Фундаментальные исследования. — 2015. — № 2—26. — С. 5968—5971.
12. *Радбиль Т. Б.* Основы изучения языкового менталитета / Т. Б. Радбиль. — 4-е изд., стер. — Москва : Флинта; Наука, 2016. — 328 с.
13. *Радбиль Т. Б.* «Семантика возможных миров» в языке Андрея Платонова / Т. Б. Радбиль // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. — 1999. — № 13. — С. 137—153.
14. *Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. — Москва : Академпроект, 1997. — 989 с.

15. Тодд III У. М. Литература и общество в эпоху Пушкина / У. М. Тодд III. — Санкт-Петербург : Академический проект, 1996. — 306 с.
16. Усок И. Е. «Панорама Москвы» / И. Е. Усок // Лермонтовская энциклопедия. — Москва : Советская энциклопедия, 1981. — С. 365.
17. Харькова Е. В. Общее и различное в структуре тематического поля *ландшафт* / *landscape* в русском и английском языках / Е. В. Харькова. — Казань : ЯЗ, 2012. — 160 с.
18. Юхнова И. С. Усадьба в творчестве М. Ю. Лермонтова / И. С. Юхнова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2016. — № 1. — С. 259—265.

Artistic Expression of Russian National-Cultural Concept of River in M. Yu. Lermontov's Works

© **Radbil Timur Benyuminovich (2019)**, orcid.org/0000-0002-7516-6705, SPIN-code 2835-0370, Doctor of Philology, professor, Head of Department of Theoretical and Applied Linguistics, Institute of Philology and Journalism, Department of Modern Russian Language and General Linguistics, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia), timur@radbil.ru.

© **Yukhnova Irina Sergeyevna (2019)**, orcid.org/0000-0003-2835-3070, SPIN-code 3299-6410, Doctor of Philology, professor, Department of Russian Literature, Institute of Philology and Journalism, Department of Modern Russian Language and General Linguistics, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia), yukhnova@flf.unn.ru.

The author's individual artistic expression of the concept of RIVER in the artistic world of M. Yu. Lermontov is considered. The aim of the research is a complex philological (linguistic and literary) analysis of the RIVER concept in the Russian national conceptual sphere through the prism of its aesthetic transformation in M. Yu. Lermontov's works. The materials of the research are the data of lexicographical sources — the main etymological, explanatory and special dictionaries of the Russian language, and the texts of poetic and prose works by M. Yu. Lermontov. The research is based on the method of linguocognitive analysis of culturally significant concepts in the system of language and on the method of literary analysis of "toposes" as landscape elements, acting as integral principles of the organization of the total artistic world of the author. It is shown that Lermontov's RIVER topos as a whole correlates with the meanings that are characteristic of the corresponding concept in the Russian national language consciousness, but the greatest relevance for the artistic world of Lermontov have values associated with the idea of the border, the boundary, as well as the idea of time, the idea of life and its course, the idea of death. The practical significance of the study is that its main results can be used in the teaching of cognitive linguistics, linguoculturology, the basics of conceptual analysis, theory of literature, history of Russian literature, as well as in the practice of compiling dictionaries of a new type — dictionaries of concepts (including educational), linguistic and cultural thesauruses and literary dictionaries of "toposes" of Russian literature.

Key words: concept “river”; linguistic and cognitive analysis; conceptual sphere; topos; M. Yu. Lermontov; literary landscape; cultural linguistics; Russian literature.

Material resources

- BTSRYa — Kuznetsov, S. A. (ed.). (2000). *Bolshoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka*. Sankt-Peterburg: Norint. (In Russ.).
- FSRYa — *Frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka: svyshe 4000 slovarnykh statey*. (1968). Moskva: Sovetskaya Entsiklopediya. (In Russ.).
- IESSRYa — Chernykh, P. Ya. (2006). *Istoriko-etimologicheskiy slovar' sovremennoy russkogo yazyka*. Moskva: Russkiy yazyk Media. 2/2. (In Russ.).
- Lermontov, M. Yu. (1954—1957). *Sochineniya*. Moskva; Leningrad: Izdatelstvo AN SSSR. 6. (In Russ.).
- SIRYa — Evgenyeva, A. P. (ed.). (1985). *Slovar' russkogo yazyka*. Moskva: Russkiy yazyk. 4/3. (In Russ.).
- SSRLYa — *Slovar' sovremennoy russkogo literaturnogo yazyka*. (1961). Leningrad: Izdatelstvo AN SSSR. 16/12. (In Russ.).

References

- Avdeyenko, I. A. (2012). Simvol REKA v yazykovoy kartine mira russkoy rok-poezii. In: *Amurskiy nauchnyy vestnik: sb. nauchn. trudov*. Komsomolsk-na-Amure: Izdatelstvo AmGPGU. 7—17. (In Russ.).
- Gumboldt, V. fon. (1984). *Izbrannyye trudy po yazykoznaniiyu*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Kharkova, E. V. (2012). *Obshcheye i razlichnoye v strukture tematicheskogo polya landshaft / landscape v russkom i angliyskom yazykakh*. Kazan: YaZ. (In Russ.).
- Kovlakas, E. F. (2008). Mentalnyye predstavleniya o «reke» v toponimii Kubani. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 23: 69—82. (In Russ.).
- Krasnoyarova, N. G. (2008). Priroda kak kontsept kultury: opyt kulturfilosofskogo ocherka reki, vody, potoka. In: *Analitika kulturologii: elektronnoye nauchnoye izdaniye*, 10. Available at: http://www.analiculturolog.ru/journal/archive/item/526-article_8-2.html. (In Russ.).
- Kurilova, S. N. (2015). Kontsept «reka» kak aktualnaya mentalnaya edinita vodnogo prostranstva landshaftnoy kontseptosfery v lingvokulture lesnykh yukagirov. *Arktika XXI vek. Gumanitarnye nauki*, 2 (5): 135—142. (In Russ.).
- Kusmidinova, M. Kh. (2015). Formirovaniye kontsepta reki v russkoy kulture na primere Volgi. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 21: 205—208. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (2000). *Semiosfera. Kultura i vzryv. Vnutri myslyashchikh mirov. Statyi. Issledovaniya. Zametki*. Sankt-Peterburg: Iskustvo-SPB. (In Russ.).
- Podlesnova, E. A., Torgovkina, T. A. (2016). Yazykovaya reprezentatsiya kontseptov «Reka» i «More» i ikh funktsionalnaya znachimost' v novellakh Gi de Mopassana. *Ogarev-online*, 17. Available at: <http://journal.mrsu.ru/arts/yazykovaya-representatsiya-kontseptov-reka-i-more-i-ix-funktsionalnaya-znachimost-v-novellax-gi-de-mopassana>. (In Russ.).

- Polukoshko, A. (2008). Kontsept «reka» v nemetskoj proze magicheskogo realizma. In: *Falklarystychnyya dasledavanni. Kankst. Typalogiya. Suvyazi*. Minsk: Bestprint. 5: 230—236. (In Russ.).
- Potashova, K. A. (2015). *Vliyanie zhivopisi na esteticheskiy ideal russkoj literatury pervoy treti XIX veka (A. S. Pushkin i M. Yu. Lermontov)*: dissertatsiya... kandidata filologicheskikh nauk. Moskva. (In Russ.).
- Radbil, T. B. (1999). «Semantika vozmoznykh mirov» v yazyke Andrey Platonova. *Filologicheskiye zapiski: Vestnik literaturovedeniya i yazykoznaniya*, 13: 137—153. (In Russ.).
- Radbil, T. B. (2016). *Osnovy izucheniya yazykovogo mentaliteta*. Moskva: Flinta; Nauka. (In Russ.).
- Radbil, T. B., Saygin, V. V. (2015). Kognitivnyye priznaki i yazykovaya obyektivatsiya kontsepta «dobrodetel» v sovremennom russkom yazyke. *Fundamentalnyye issledovaniya*, 2 (26): 5968—5971. (In Russ.).
- Stepanov, Yu. S. (1997). *Konstanty. Slovar' russkoj kultury. Opyt issledovaniya*. Moskva: Akadempromekt. (In Russ.).
- Todd III, U. M. (1996). *Literatura i obshchestvo v epokhu Pushkina*. Sankt-Peterburg: Akademicheskij promekt. (In Russ.).
- Usok, I. E. (1981). «Panorama Moskvyy». In: *Lermontovskaya entsiklopediya*. Moskva: Sovetskaya entsiklopediya. (In Russ.).
- Yukhnova, I. S. (2016). Usad'ba v tvorchestve M. Yu. Lermontova. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 1: 259—265. (In Russ.).